

В. К. Журавлев, *Диахроническая фонология*, Москва, «Наука», 1986 (Академия наук СССР. Институт языкознания). 232 с.

Разговор о книге по проблемам общего языкознания на страницах СФУ оправдан тем, что в ней наряду с важными общелингвистическими проблемами нередко привлекаются данные финно-угорских языков, в частности венгерского, а также коми-зырянского, марийского, эзянского и северомансийского. Финно-угорские языки в книге, правда, названы угро-финскими, что можно простить автору-слависту, но никак не изданию Института языкознания АН СССР (ответственный редактор В. А. Виноградов, рецензенты О. С. Широков, Д. И. Эдельман).

Рецензируемая работа состоит из шести глав (1. Фонология в современной лингвистике, 2. Предмет и задачи диахронической фонологии, 3. Эволюция идей и понятий диахронической фонологии, 4. Фонологическая система, 5. Нейтрализация, 6. Основания и методы диахронической фонологии), заключения и необходимых указателей.

Автор диахроническую фонологию не отождествляет с исторической, а выводит из последней: «...диахроническая фонология не может довольствоваться задачей описания, констатации исторических изменений, она должна быть нацелена на вскрытие их механизма и причин» (с. 39). «Предмет диахронической фонологии строго ограничен тремя параметрами, тремя базисными принципами: 1) системности, 2) историзма и 3) причинности» (с. 40). «Предмет диахронической фонологии — эволюционирующая фонологическая система языка, динамика ее системообразующих связей и интегративных свойств, эволюция ее структуры» (с. 42). Итак, диахроническая фонология — венец исторической фонологии, изучение эволюции фонологической системы. И хотя автор несколько раз подчеркивает необходимость учета позиций фонем, складывается впечатление, что к этому венцу все же можно пробиться, не мучаясь изучением истории фонемных последовательностей и каждой из фонем в отдельности, как этого требуют историческая фонетика, генеративная и постгенеративная историческая фонология.

По сути дела, диахроническая фонология, развиваемая в рецензируемой книге, в очень большой степени основывается на идеях т. н. отечественной лингвистики. Фонологию создали, как убедительно показывает автор, ученики учеников Ф. Ф. Фортунатова — Н. С. Трубецкой, Р. Якобсон, С. Карцевский, хотя они считали своим предшественником И. Бодуна де Куртенэ. Автор не выходит из рамок той т. н. классической фонологии и выход за рамки пражской школы Якобсоном в 1950-е годы характеризуется им уже как шаг назад — к физикализму. Книга таким образом является завершением прерванной деятельности Трубецкого (который пришел в фонологию из исторической лингвистики) и Якобсона в области диахронической фонологии. В исторической фонологии автор выделяет парадигмы Е. Д. Поливанова, Р. Якобсона, А. Мартине (H. Martinet), М. И. Стеблина-Каменского.

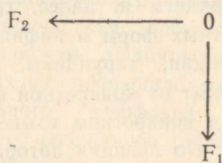
Рассматривая свойства фонологической системы, В. К. Журавлев уделяет внимание таким понятиям, как *система, структура, интеграция; оппозиция и позиция; корреляция; интегративная функция фонемы; цепочка, пучок, блок; центр и периферия системы; функциональная интеграция системы, иерархия уровней фонологий*; итак, весьма важной оказывается интеграция. Очень интересен подход автора к проблеме центра и периферии системы, которую обычно просто обходят. Правда, принимая этот подход, мы стоим перед парадоксом: в системах гласных фонем очень многих языков мира такая сверхобычная гласная фонема, как /a/, оказывается периферийной, так как она не имеет коррелятивного члена (напр. /ā/). А в системах гласных, имеющих три члена /u i a/, где одна гласная лабиальная, другая — передняя, а третья — низкая, все гласные «ведут себя» по отношению к понятиям центр и периферия диалектически: они составляют не периферию, а центр только потому, что более подходящего центра нет. Что касается коми-зырянской системы гласных (ср. также с. 79)

<i>i</i>	<i>y</i>	<i>u</i>
<i>e</i>	<i>ə</i>	<i>o</i>
	<i>a</i>	

где $y = i$ и $ə = e$, то $ə$ (т. е. e) в «коррелятивной цепочке» $e : ə : o$ — непередняя и нелабиализованная, а в некоррелятивной цепочке $y : ə : a$, построенной «на традиции подъема», — верхняя и нижняя. И хотя все эти признаки на не дифференциальные, а лишь интегральные (ср. с. 78), удивляет та сила, которая держит такие «ничейные» фонемы (впрочем y (т. е. i) также непередняя и нелабиализованная, хотя и верхняя) не только в рамках, но и в самом сердце системы. Напрашивается аналогия с всеуничтожающей сверхвысокотемпературной плазмой, которую физики при помощи электромагнитов держат на расстоянии от окружающих ее стен. Правда, не лучше состояние «дуальных» фонем, как например $/\delta/$. В системе (кратких) гласных эстонского языка передняя и лабиальная гласная фонема $/\delta/$, как и непередняя и нелабиальная δ , занимают места в сердце системы

<i>i</i>	<i>ü</i>	<i>u</i>
<i>e</i>	<i>õ</i>	<i>o</i>
<i>ä</i>	<i>a</i>	

Итак, как «ничейные», так и «дуальные» фонемы помещены в своеобразный концлагерь в глубинах системы. Это следствие основано на том, что представленная система довольно точно отражает расположение гласных в (фонетическом) формантном пространстве:

Данное пространство отвечает духу транскрипции Международной фонетической ассоциации; финно-угорская транскрипция же предполагает перемещение левой и правой сторон пространства, т. е. нулевая точка находится в левом верхнем углу. Вероятно, В. К. Журавлев оценит мою интерпретацию как физикалистическую. Но это не устраняет проблему, и, наконец, все «ничейные» фонемы должны на каком-то уровне быть определены не отрицательно, а вполне определенно, положительно — может быть, на уровне дифференциальных элементов, на суще-

ствование которых намекает автор (и может быть, наш концлагерь тогда окажется только терминологическим).

Что касается нейтрализации, то в отличие от В. К. Журавлева и приверженцев пражской школы, но подобно дескриптивистам, я считаю нейтрализацией не отсутствие контраста (оппозиции) в какой-то позиции, а только конкретный процесс (т. е. синхроническое правило или историческое изменение), в результате которого исчезает контраст в определенной позиции. Тем не менее, толкование нейтрализации в книге интересно и представленная детальная классификация нейтрализаций (с. 142—3), возможно, конечная. В принципе не стоило бы обращать внимание на то, что пример из ижорского языка (с. 106) фактически касается корреляции не по глухости — звонкости, а по силе — слабости: иж. **B, D, G** не звонкие, а слабые глухие согласные. Но нередко даже финно-угроведы неверно трактуют **B, D, G, Z**, эстонского или ижорского языков как звонкие или полувзвонкие; причиной такой трактовки является давняя терминологическая путаница.

Из определения предмета диахронической фонологии и пражской концепции фонологической системы следует, что диахроническая фонология занимается динамикой и устойчивостью фонологических оппозиций, динамикой корреляций, симметрией и «пустыми клетками», динамикой фонологических позиций и нейтрализацией, слиянием и расщеплением фонем (т. е. конвергентно-дивергентным процессом, по Журавлеву). Все это необходимо и интересно, изложено со знанием дела, даже в возвышенном стиле. Однако несмотря на такой прогресс в области диахронической фонологии, боюсь, что созданная В. К. Журавлевым вокруг диахронной фонологии *aura* не препятствует исторической фонологии целиком оставаться *in statu quod antem*. Еще не известно, почему, например, в одних языках или диалектах долгие \bar{o} , $\bar{ö}$, \bar{e} изменяются в направлении \bar{u} , $\bar{ü}$, \bar{i} , в других дифтонгизируются в uo , $üo$, ie , в третьих укрупняются в o , \bar{o} , e . А может быть, достаточно лишь маленького приложения к «Диахронической фонологии» В. К. Журавлева...

ТИИТ-РЕИН ВИИТСО (Таллин)